
УДК (470. 661)

ББК 83. 3 (2 = Чеч)

Ч - 93

Чурилова Е. А.

Аспирант кафедры истории новейшей отечественной литературы Ставропольского государственного университета, e-mail: serdo_lik@mail.ru

Образный мир романа Канты Ибрагимова «Детский мир» (Рецензирована)

Аннотация:

Впервые рассматривается образный мир романа «Детский мир» Канты Ибрагимова, являющийся ключом к пониманию культурно-исторической общности чеченского и русского народов. Анализ раскрывает художественную целостность произведения, его актуальность и значение в созидании мира, формировании единого социокультурного пространства на Северном Кавказе [1].

Ключевые слова:

Образный мир, система персонажей, этнонациональная ментальность, национальное, инонациональное.

Churilova E.A.

Post-graduate student of Department of History of Recent Domestic Literature, the Stavropol State University, e-mail: serdo_lik@mail.ru

The figurative world of the novel by Kanta Ibragimov «The children's world»

Abstract:

The figurative world of the novel «The children's world» by Kanta Ibragimov is examined in the paper for the first time. The novel's figurative world is the most important point in understanding the cultural and historical community of the Chechen and Russian peoples. The analysis of the novel shows the art integrity of the work, its urgency and value for peace creation and for building a common social and cultural space in the North Caucasus.

Keywords:

The figurative world, system of characters, ethnonational mentality, national, belonging to a different nation.

Одной из наиболее острых и болезненных этнополитических проблем на территории России конца XX начала XXI века стал российско-чеченский конфликт, обусловленный многообразными объективными и субъективными причинами, и повлекший за собой многочисленные человеческие, моральные и материальные потери. Эта проблема, имев-

шая мощный общественный резонанс, нашла широкое отражение в произведениях многих современных писателей: повести Владимира Маканина «Кавказский пленный», книге повестей и рассказов Германа Садулаева «Я – чеченец!» и его романа «Шалинский рейд», повестях Вячеслава Миронова «Я был на этой войне. Чечня год 1995» и «Не моя война», повести Аль-

берта Зарипова «Первомайка», северокавказских авторов «Война длиною в жизнь» и др. Особое место в этом ряду занимает роман Канты Ибрагимова «Детский мир», впервые изданный в 2005 году (в 2008 г. роман переиздан в издательстве «Эксмо» под названием «Прямой наводкой по ангелу»). С одной стороны, это взгляд изнутри на разорительную, жестокую войну, с другой – философская, наднациональная попытка осмысления исторической связи русского и чеченского народов, через мысли, чувства, жизненные устои людей, сумевших подняться значительно выше национальных противоречий, претензий и обид.

Сюжет романа основан на реальных событиях, произошедших на территории Грозного в период первой чеченской кампании. В центр повествования автор ставит не войну, а полную мистических случайностей судьбу чеченского сироты Канта. Картины жизни в разрушенном городе описаны в мельчайших подробностях и деталях, шокирующих своим трагизмом. «А как иначе, если в палитре моей краска одна – гарь войны, и я ее невольно наносил, наносил, замазывал белый, чистый холст», – поясняет свою позицию автор [2: 234]. Но, помимо предельного натурализма, в романе много мистического, знакового, что позволяет говорить о нем как о романе-метафоре, а художественный метод писателя определить «мистическим реализмом». «Смогу ли? – вопрошает автор, – Не знаю. Но душа болит, и я, как Бог даст, постараюсь донести до вас эту сказку как жизнь, или жизнь, странную, как сказка...» [2: 21]. Несмотря на озвученные сомнения, он справляется с поставленной задачей, предлагая читателю правдивую по своей трагичности историю, пронизанную колоритными этническими мотивами, но при этом национально нейтральную, подчеркивающую «историко-культурную взаимодополнительность» народов [3].

В названии романа, системе пер-

сонажей, предметном мире, имени главного героя и даже фонетическом строе его речи скрыт глубокий многоплановый смысл. Толкование названия романа – «Детский мир» – далеко выходит за рамки ассоциаций с разрушенным магазином игрушек. Оно воплощает уничтоженный войной мир счастливого детства, а также некий светлый идеальный мир грез Канта. Его мечты наивны и сам ребенок это понимает: *«Я уже не маленький, чтоб сказкам велить. <...> Конечно, я знаю, что мои лодители сюда уже не велнутся. Но я велю, что они где-то есть и меня видят, на меня надеются. И я вечно, сколько смогу, буду жить здесь, буду ждать их здесь, и лаз они по ночам, хотя бы во сне, плихоят ко мне, я должен их достойно встлечать. И когда-нибудь мы вместе постлоим здесь новый «Детский мил», новый голод, новый свет!»* [2: 113]. Символично-семантическая палитра романа раскрывается и в наименовании главного героя. Он не помнит своего настоящего имени, то есть, по сути, безымянен: по-русски его называют Мальчик, по-чеченски – Кант. Нельзя не обратить внимание на переключку с именем писателя: Кант = Канта. Имя героя сливается с именем автора, имя собственное – с именем нарицательным, что подчеркивает знаковую данность образа. Мальчик обладает мистическими способностями и великим музыкальным даром, и, можно сказать, является символом идеального будущего чеченского народа.

Вокруг Канты формируются остальные группы персонажей. Самый близкий круг – это две женщины: пожилая русская интеллигентка Анастасия Тихоновна Афанасьева (бабушка «Учитал») и чеченка Роза. В образах героинь, каждая из которых – эталон национального характера, воплощен глубинный опыт культурно-исторической общности и взаимодополнительности русского и чеченского народов. Не сложно увидеть параллели в их судьбах: обе прошли через мо-

ральные унижения, физическое насилие, через несвободу (для Анастасии Тихоновны это была тюрьма, для Розы – заточение в подвале бывшего мужа), через потерю детей. Обе они глубоко несчастны в браке и обе находят радость и утешение в заботах о Мальчике. Но каждая дает ему что-то свое. Роза обеспечивает физическое выживание: кормит, носит воду, лечит; и формирует связь с национальными корнями: обучает чеченскому языку, грамоте, традициям, рассказывая о кавказских нравах и обычаях. Бабушка «Учитал» обеспечивает духовное развитие ребенка, раскрывая перед ним общечеловеческие и наднациональные ценности, приобщая к мировой культуре: учит правильно говорить по-русски, играть на скрипке классическую и кавказскую музыку, рассказывает сказки. И Мальчик, окруженный двойной заботой, не просто выживает. Он радуется жизни, потому что в ней есть место сказке и музыке, а его радость озаряет светом и дарит надежду окружающим его взрослым людям. И хотя личность Мальчика представляется изначально совершенной, без Розы и бабушки «Учитал» он не смог бы стать таким, каким его показывает автор.

Современный писатель и критик Герман Садулаев, в своей рецензии на «Детский мир» выражает недоумение по поводу главы, посвященной описанию жизни Анастасии Тихоновны: «Какая-то странная и ненужная история «бабушки Учитал» [4]. Позволим не согласиться с ним, поскольку данная глава не просто описывает судьбу русской женщины, она отражает жизнь всего русского народа и его отношения с властью на определенном историческом этапе, что имеет важное композиционное и семантическое значение. Афанасьева оказывается заложницей тоталитарной системы, но чудом сохраняет свою культуру, духовность, и не знает большей радости под конец жизни, чем обучать музыке талантливого чеченского ребенка. Образ Розы не менее

трагичен, при этом она самостоятельна, горда, свободолюбива. Роза чтит традиции своего народа, однако, ее взгляд на происходящее – это взгляд реалиста. Не национальность, а честь и достоинство для нее главное, что характеризует человека. Пока Роза и Анастасия Тихоновна, несмотря на войну, держатся вместе в своем полуразрушенном доме, у Мальчика остается шанс не только на выживание – на полноценную жизнь. И как только их союз насильственно распадается – Мальчик погибает.

Вторую группу героев представляют боевик-чеченец Бага Тумсоев и российский капитан Головачев (Голова). Эти боевые командиры, находясь по разные стороны «линии фронта», олицетворяют слепую военную силу. Они слуги системы, цель которой – война, уничтожение. Но, несмотря на жестокость, они не лишены чувств и способности сопереживать. Объединяет их общая любовь к Мальчику, своеобразная забота о нем: его божественный дар притягивает их как магнитом. И Бага, и капитан Головачев сохраняют свои человеческие качества, но, встав против системы на защиту Мальчика, погибают. В один ряд с этими военными можно поставить и безымянного боевика, который ценой своей жизни спас «золотого» ребенка. Ожесточенный, ориентированный только на смерть человек, вдруг каким-то внутренним наитием понял, что его жизнь – ничто, по сравнению с жизнью этого маленького существа: *«Дела, что я делаю? <...> Какое создание, просто золотой, <...> Ведь он будущее, а я что, не сегодня-завтра труп»* [2: 37].

Следующая группа – персонажи, олицетворяющие систему власти: занимающий высокий государственный пост и руководящий «восстановлением» Грозного чеченец Гута Туаев, министр культуры России Илья Столетов, его отец, также чиновник высокого ранга, Аркадий Столетов. Они лишены человеческого облика, несмотря на ухоженные лица и до-

рогие костюмы, и предстают двойниками по своему ментально-нравственному типу: одинаково беспринципно относятся к женщинам, предельно цинично воспринимают духовные ценности и потребительно, хищнически используют свою власть. Система щедро одаривает своих приспешников деньгами, но берет за это высокую цену – жизни простых людей: *«У Гуты много денег и две длани – вроде, служит федералам, Москве; и в то же время дружит с боевиками, по крайней мере, с чеченскими «генералами» в полном контакте»* [2: 66-67]. Бессмысленность и неизбежность войны при такой системе власти осознается героями-персонажами всех уровней: *«Эта война – декорация; шумовой фон, под который разворачиваются огромные богатства. Здесь нет своих и чужих. По большому счету и Бага, и Мальчик, и ты, и я – просто пушечное мясо. А наверху – сговор воров – не могут честно награбленное поделить»* [2: 185]. Впрочем, это высказывание капитана Головачева справедливо можно отнести и к любой другой войне, поскольку в ее основе всегда лежит пересмотр общечеловеческих и передел материальных ценностей.

Роман дуалистичен не только с точки зрения персонажной системы. Отметим следующие антонимичные пары: страшная война взрослых и прекрасный Детский мир; реальность и сказка; какофония взрывов, стрельбы и гармония классической музыки; поддерживающие войну чиновники и помогающие друг другу выжить люди разных национальностей.

Богаты и многогранны семантические оттенки предметного мира романа: имеющая вкус крови вода реки Сунжи, звездное небо, распахнутое для тех, кому не нашлось места на воюющей земле, разрушенные дома и мосты, трава, пробивающаяся сквозь трещины в асфальте, ласточки, некстати свившие гнездо в городе, обреченном на гибель, красный воздушный шар, символизирующий меч-

ты мальчика и совсем недолго пробывший с ним. Важную роль занимают образы скрипки и музыки – символы общечеловеческих ценностей, мировой культуры и искусства, объединяющей силы прекрасного. Музыка дарит возможность выживать, расти, развиваться в самых тяжелых условиях, несет свет и надежду на будущее, пробуждает человечность в ожесточенных войной сердцах самых разных людей. Так, Бага, увлеченный звуками скрипки, выходит из подвала и танцует лезгинку под пулями и автоматными очередями; капитан Головачев опекает, защищает мальчика, дает продукты; представители Совета Европы помогают материально, предлагают уехать из города. Сам Мальчик четко, не по-детски осознает силу своего дара: *«Вот наше олужие! С музыкой в луках и в мыслях надо жить, а не воевать!»* [2: 113].

Отдельного исследования заслуживает семантика образа скрипки, расшифровка которого имеет, как известно, богатейшую культурную традицию. Заметим лишь, что оживая в руках ребенка, скрипка наполняет гармонией жизни окружающее пространство, а Мальчик, извлекающий божественные звуки, представляется своеобразным медиатором, объединяющим то, что изначально кажется необъединимым. Тончайшая, эфемерная гармония его духовного совершенства, подобно канифоли, создающей контакт между струной и смычком, объединяет мир детей и взрослых, гражданских и военных, русских и чеченцев, звезды и землю, сказку и реальность. Когда погибает скрипка, разбитая одним из чеченских боевиков, мир вокруг Мальчика рушится: умирает бабушка, и лишь на несколько часов переживает инструмент и свою русскую «Учитал» сам ребенок. Кант погибает не от пули или взрыва. Он просто «уходит» в иной мир, на зов своих погибших родителей, к бабушке «Учитал», к музыке и свету, шагнув с балкона: *«Залился счастливым, детским смехом, встал и скрипку*

взял, и веселым голосом: «Детский мир там, и бабушка – там?! Я лечу! – он вприпрыжку, радостно бросился к окну, и над мертвым Грозным пронеслось звонкое, чистое, выстраданное – я-я-я!!!» [2: 230].

Финал романа трагичен, но не беспросветен. Роза – сильная и гордая чеченская женщина – выживает. И за все горести судьба одаривает ее двумя сыновьями, что символизирует вновь обретенное, пусть уже и не идеальное будущее: «...В моем возрасте – второй сын, <...> Бог надомной смилостивился. <...> Конечно, это не наш Мальчик... Наш Мальчик был уникальным созданием, в нем был удивительный божественный дар и нескончаемое добро! Мы его не смогли уберечь» [2: 234].

В заключении отметим несомненное культурно-историческое значение и актуальность романа К. Ибрагимова в настоящее время, когда Северный Кавказ, Россия и все мировое сообщество находятся в точке бифуркационного выбо-

ра: пойдет ли человечество путем неконфликтного отношения между народами, или же двинется в сторону обострения межнациональных конфликтов и этнокатастроф. Такие произведения, как «Детский мир», являются ключами к пониманию культурно-исторической общности народов, помогают толерантному восприятию «иной» этнонациональной ментальности, художественными средствами создавая «образ чеченца и образ Чечни и для «своих», и для «других, чужих» [5]. Благодаря гармоничному соотношению этнического, инонационального и всеобщего они меняют вектор восприятия с «чуждого и враждебного» на «иное», знакомое и понятное, формируют навыки межкультурных контактов, а следовательно, служат созиданию межэтнического мира и формированию единого социокультурного пространства не только на Северном Кавказе, но и в мире вообще [6: 151].

Примечания:

1. Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы. ГК № 16.740.11.0116 от 02.09.2010 г.
2. Ибрагимов К. Детский мир. М.: МОЦ АРТ, 2005.
3. Султанов К.К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. М.: Наследие, 2001.
4. Садулаев Г. Детский лепет // Гражданский литературный форум. URL: <http://glfr.ru/svobodnaja-kafedra/detskij-lepet-german-sadulaev.html>
5. Ибрагимов Л.М. «Свой/чужой» в русскоязычной чеченской литературе // Вестник Адыгейского государственного университета. 2010. Вып. 3. С. 18-22.
6. Чурилова Е.А. Развитие культуры понимания «иной» этнонациональной ментальности посредством изучения национальных литератур в социокультурном пространстве Северного Кавказа // Из истории культуры народов Северного Кавказа: сб. науч. ст. Ставрополь: Графа, 2011. Вып. 3.

References:

1. The work is framed by the FTSP «Scientific and scientific-pedagogical personnel of innovative Russia» for 2009-2013 SC № 16.740.11.0116 on 02.09.2010.
2. Ibragimov K. The world of children. M.: MOTSAIT, 2005.
3. Sultanov K.K. National self-consciousness and value orientations of literature. M.: Nasledie, 2001.
4. Sadulaev G. Baby talk // Civil literary forum. URL: <http://glfr.ru/svobodnaja-kafedra/>

detskij-lepet--german-sadulaev.html

5. Ibragimov L.M. «Own/alien» in Russian-language Chechen literature // The Bulletin of the Adyghe State University. 2010. Issue 3. P. 18-22.
6. Churilova E.A. The development of culture of understanding «different» ethnic-national mentality by means of studying national literatures in sociocultural space of the North Caucasus // From the culture history of peoples of the North Caucasus: collection of scientific articles. Stavropol: Grapha, 2011. Issue 3.